

18+

I SU
LU BEL

Сны Черубины — 2

I Su
Lu Bel
Сны Черубины – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67296875

ISBN 9785005624444

Аннотация

Черубина – очаровательная барышня, образованная, хорошо воспитанная, всегда оказывается рядом с таинственными преступлениями и загадочными происшествиями в серии новелл «Сны Черубины», написанных в жанре «атмосферный детектив». Книга посвящается памяти Елизаветы Ивановны Дмитриевой – русской поэтессы, одной из основателей детского театра в послереволюционной России.

Содержание

Домик для куклы

6

Конец ознакомительного фрагмента.

31

СНЫ Черубины – 2

I Su
Lu Bel

Иллюстратор Maria Louise Manning

© I Su, 2022

© Lu Bel, 2022

© Maria Louise Manning, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-2444-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0056-2445-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПРЕДИСЛОВИЕ

Познакомьтесь: Черубина – очаровательная барышня, образованная, хорошо воспитанная, всегда оказывается рядом с таинственными преступлениями и загадочными происшествиями в серии новелл «СНЫ ЧЕРУБИНЫ», написанных в жанре «уютный детектив». Это истории со множеством деталей, отсылок к эпохе Серебряного века и стилю модерн. Здесь можно встретить людей, чьи имена сохранились в ис-

тории, и памятники архитектуры, на фоне которых Черубина изящно разгадывает тайны...

Формат «Снов...» даёт авторам небывалую свободу для фантазии. Разумеется, описываемые события никогда не происходили в реальности, но они могли бы произойти. Часто люди видят во сне преображенные их фантазией, но реально произошедшие события, во сне сбываются мечты – обычная девушка превращается в неотразимую, изысканную красавицу. Реально существовавшая Черубина, конечно, тоже видела сны... Познакомившись с её биографией, можно узнать, каким богатым, необычным был её внутренний мир, и как несправедливо жизнь обошлась с талантливой поэтессой Елизаветой Дмитриевой, известной как Черубина де Габриак (а также Ли Сян Цзы). В тексте цитируются её стихи. Все герои – вымышленные, но вы встретите много известных имён и названий. Возможно, в будущем вам непременно захочется посетить описываемые архитектурные памятники – они существуют и сегодня.

Книга посвящается памяти Елизаветы Ивановны Дмитриевой – русской поэтессы, одной из основателей детского театра в послереволюционной России.

Домик для куклы

Приближалось Рождество, дом был наполнен запахом ели, которую привезли замерзшей и заснеженной и поставили в углу гостиной оттаивать. Уже стоял наготове короб с поблёскивающими ёлочными игрушками и позолоченными свечами. Белоснежные полотняные скатерти были отглажены, и в буфете сияла начищенная до блеска серебряная

посуда.

На следующий день должна была приехать Лиля, на этот раз не одна, а вместе с мужем – Кириллом Степановичем.

Настроение было праздничным, и Черубина с кузеном Николаем придумывали концерт, в котором должны были участвовать все родственники и гости. Очередь дошла до вертепа. Его сценарий Чери написала в стихах, —

*...Когда сделал Господь человека земли
Сопричастником жизни всемирной,
Эту розу волхвы в Вифлеем принесли
Вместе с ладаном, златом и смирной...*

Все роли предстоящего праздника были распределены, и молодые люди отправились пить чай с тётушкой Чери – Елизаветой Дмитриевной. Узнав, что ей предстоит играть роль ангела в рождественском представлении, тётушка рассмеялась и вдруг вспомнила, как однажды она, будучи юной девушкой, принимала участие в самом странном спектакле, который до сих пор не может забыть, поскольку закончился он весьма неожиданным образом.

– Что же это был за спектакль, – спросила заинтригованная Черубина, которая всегда интересовалась таинственными и необъяснимыми происшествиями, – расскажите, тётушка.

– Это случилось как раз в канун Рождества. Меня и Варю – барышню, жившую по соседству, пригласили на маскарад. Собралась веселая компания молодежи, и мы решили

разыграть собственноручно написанную по мотивам повести Гоголя пьесу, в которой Малороссию заменили на Санкт-Петербург, и все персонажи превратились в столичных жителей, включая Солоху и даже чёрта.

Спектакль удался на славу, и мы, воодушевленные успехом, закутались потеплее и отправились вдоль набережной Екатерининского канала в сторону Казанского собора. Позади него начиналась улица с известным домом каретника Иохима, где некогда жил молодой и никому тогда ещё неизвестный Гоголь. По дороге юноши пугали нас и друг друга страшными историями из жизни самого Николая Васильевича. Между тем на город опускались ранние зимние сумерки, будившие игру воображения – кое-кому из нас было страшно и вовсе не до шуток.

Когда мы оказались у парадного входа, все вдруг растерялись, не понимая, что делать дальше. Как всегда бывает в таких случаях, нашёлся предводитель, который повел всех во двор дома, где царила неожиданная и странная для центра города тишина. Окна, выходившие на эту сторону, оказались темными, нигде не было видно ни одного огонька, ни одного человека. Атмосфера была совершенно таинственной и нереальной, как будто мы, пройдя во двор под аркой проезда, оказались в ином мире. Тот же самый юноша предложил провести спиритический сеанс и вызвать дух Гоголя, – на этом месте Елизавета Дмитриевна, перекрестилась и затем продолжила свой рассказ, – мы пытались отговорить

его, но он только смеялся и подтрунивал над нами. В конце концов все согласились участвовать в спиритическом сеансе. Мы подобрали с земли какие-то ветки и устроили небольшой костёр прямо в центре двора. Затем все взялись за руки и принялись вызывать дух Николая Васильевича. Наши голоса дрожали от страха, но мы продолжали, не в силах прекратить браваду и показать свою слабость.

Вдруг мимо пробежала кошка, затем еще одна, затем тени стали мелькать со всех сторон, и в то же время пошел снег, подул ветер и закружилась метель. Справа в трёхэтажном флигеле в окне зажегся свет, и все увидели фигуру мужчины, стоявшего у окна. Его узнаваемый птичий профиль не оставлял сомнения в том, что это был сам Николай Васильевич Гоголь!

От неожиданности мы с Варей вскрикнули и бросились вон со двора, юноши последовали за нами. Очутившись на освещенной и людной улице, мы еще долго не могли прийти в себя... Я и поныне стараюсь обходить ту улицу стороной, – в большом волнении Елизавета Дмитриевна закончила свой рассказ.

– Ах, тётушка, как же Вы могли скрывать от меня такое удивительное происшествие! – воскликнула Черубина, – но сколько лет назад это произошло?!

– Не меньше тридцати, – задумчиво ответила Елизавета Дмитриевна и налила себе еще чаю.

Вечером Черубина и Николай принялись украшать ёлку.

Золотой ангел уже венчал макушку ели, и отблески от него вспыхивали в полумраке зала, как светлячки.

– Что ты думаешь об этом странном приключении тётушки, Николай? – спросила Чери, подавая ему серебристую ключую канитель.

– Мамап, абсолютно не склонна выдумывать небылицы, – помолчав, отвечал он. К тому же, она чрезвычайно разволновалась, рассказывая эту давнюю историю, что свидетельствует о пережитом некогда сильном потрясении.

– А что, если завтра мы с тобой побываем в этом самом доме? – предложила Черубина, – ведь это недалеко от Николаевского вокзала, куда мы поедem встречать Лилю и Кирилла Степановича. Курьерский поезд из Москвы прибывает в полдень. Давай поедem в десять... Тогда у нас будет достаточно времени осмотреть и дом, и его двор. Быть может, удастся поговорить с кем-либо из жителей...

– Пожалуй, я не против, Чери, – согласился Николай, – возможно, мы действительно узнаем нечто такое, что объяснит давнее происшествие.

Наутро молодые люди отправились на Невский проспект. У колоннады Казанского собора они отпустили извозчика. Любуясь сверканием снега и льда в лучах холодного зимнего солнца, Черубина и Николай прошли вдоль Екатерининского канала, в точности повторяя маршрут, который им описала Елизавета Дмитриевна. Вскоре они оказались у Кокушкина моста и свернули направо, вглубь Столярного пере-

улка. Впереди вырисовывалось большое здание в четыре этажа с аттиком, украшенное маскаронами и рельефами в стиле греческих трагедий.

– Этот доходный дом иногда ошибочно называют домом архитектора Стуккея, – пояснил Николай, разглядывая здание, – но принадлежал он его матери Екатерине Ивановне, дочери каретных дел мастера Иоганна Альберта Иохима, того самого, что упоминается в одном из писем Гоголя как весьма достойный каретник. А вот флигели во дворе, действительно, перестраивал сам Вениамин Егорович Стуккей. Первые Стуккеи приехали сюда из Англии и Шотландии, когда начинал строиться Петербург, и с той поры здесь обосновались. Имя архитектора – Бенджамен-Джон, но больше он был известен как Вениамин.

Беседуя, молодые люди прошли через арку проезда во двор, со всех сторон окруженный жилыми домами.

– Вот этот флигель, – указала вправо Черубина, – пойдем посмотрим, можно ли войти.

Неожиданно им навстречу из дверей флигеля вышел человек, несколько странно одетый.

– Добрый день, молодые люди, – обратился он, – позвольте представиться: Пржецлавский Осип Антонович, А как ваши имена, и какова цель вашего визита? Входите, входите же!

Николай и Чери вошли вслед за странным человеком, дверь вдруг сама собой захлопнулась, и они оказались в пол-

ной темноте.

– Поднимайтесь сюда, на третий этаж! – услышали они знакомый голос. Осторожно, спотыкаясь о неровные ступени, они стали подниматься. Было очень холодно, настоящая стужа царила в доме. Неожиданно появился хозяин, уже переодетый в элегантный фрак.

– Присаживайтесь, – любезно предложил он, и вдруг оказалось, что в комнате полно мебели – гостиных диванов и изящных кресел. Молодые люди, молча, сели, не понимая, что происходит. Вбежала легавая собака, обнюхала гостей и улеглась у ног Черубины. Чери хотела было погладить её, но пальцы ощутили пустоту, никакой собаки не было – пёс уже стоял рядом с хозяином.

– Его зовут Бекас, он весьма умный, даже умеет подавать шляпы и трости, не без гордости сообщил странный господин. – К тому же это самый чуткий страж по ночам. Я расскажу вам одну историю, если позволите.

– Как-то раз, я долго не мог уснуть и продолжал читать, лежа в постели, когда часы пробили полночь. Бекас лежал в углу на своей подушке. Только вдруг вижу я, что он поднимается с глухим ворчанием, шерсть на нем встала дыбом, все тело тряслось, глаза обращены на дверь. Это меня тем более удивило, что прежде, когда что-либо тревожило его ночью, он обыкновенно не ворчал, а громко лаял и бросался вперед!

Вдруг раздаётся сильный стук во входную дверь, и кто-то шевелит ручкою замка, силясь отворить эту дверь, запертую

ключом. Я встал, взял свечу и пошел к двери, а Бекас вместо того, чтобы следовать за мною, вскочил на мою постель и забился под одеяло! Я глянул в окно лакейской и удостоверился, что у моих дверей никто не стоял, однако замочная ручка не переставала стучать, поднимаясь и опускаясь. Внезапно я отпер дверь, думая поймать кого-нибудь, забавляющегося таким образом, но никого не было. Вскоре все успокоилось. Тогда и Бекас вернулся на свою подушку. Признаюсь, что я не сразу заснул после этого. На другой день я послал за управляющим домом. Немец выслушал меня с тевтонской флегмою, потом сказал: «Так это теперь и у фас? Это ничефо, потерпите каспадин. Так само было у токтор Сфотерус, у анкличанин Карр, у тапакеречник Полле ну, а теперь у фас. Ферно опойдет фесь том».

После я справлялся в домово́й конторе, где узнал, что и другие квартиранты испытывали то же самое...

Не страшно ли вам, молодые люди? Вы, верно, ничего не боитесь, коли пришли сюда?

Чери и Николай не могли ответить, они были как во сне. Вдруг зажегся свет, и сама собой заиграла фисгармония, стоявшая в углу, а вокруг танцевали люди, одетые в нарядные одежды и говорившие на польском языке.

Неожиданно все исчезло, и Чери с Николаем вновь оказались на улице. Черубина в изумлении смотрела на Николая и взволнованно спрашивала:

– Что это было? Что это с нами произошло? Человек, ко-

торый представился Осипом Пржецлавским, действительно существовал, но он давно умер. Я слышала о нём... Ведь это он писал под псевдонимом «Ципринус»? Мне кажется, я видела у нас в библиотеке его книгу? Наверное, стоит её перечитать... Однако, какое отношение он может иметь к этому дому?

– Возможно, он тоже был здешним постояльцем, – Николай был спокоен и невозмутим, – ведь здесь жил не только Гоголь, но и другие знаменитости, например Адам Мицкевич! То, что мы испытали – сродни гипнотическому воздействию. В этом доме бывали яркие личности, они оставили после себя сильный энергетический след. А твое богатое воображение, милая кухня, явилось проводником этой энергии. В студенческие годы я изучал не только медицину. Мне довелось побывать на лекциях Бехтерева о гипнотическом лечении больных. Эти знания оказались весьма полезны для меня, как для практикующего врача. Однако, поспешим на вокзал, скоро прибывает курьерский поезд.

На перроне толпились встречающие, и Черубина с Николаем не без труда пробрались к вагону первого класса, из которого уже неспешно выходил Кирилл Степанович. Следом появилась Лиля, одетая по последней моде и сияющая от предвкушения встречи с любимым городом и подругой детства. Мужчины обменялись приветствиями, Чери и Лиля обнялись и расцеловались.

У вокзала стояла вереница экипажей с извозчиками,

по обыкновению ожидавших полуденный курьерский поезд в надежде, что гости столицы на радостях не будут скупиться и щедро расплатятся за проезд. Николай махнул извозчику рукой, и тут же подъехало новенькое ландо – изящная четырехместная повозка со складным верхом. Едва все расселись на мягких сиденьях, лошади тронулись и звонко зацокали копытами по мощеной дороге.

Тем временем Елизавета Дмитриевна хлопотала у праздничного стола, готовясь к встрече дорогих гостей. Стол, как всегда в таких случаях, ломился от обилия блюд со всевозможными яствами. Специально к приезду Кирилла Степановича была закуплена «Рябиновая на коньяке» фирмы «Шустов и сыновья», которую он предпочитал любым домашним наливкам.

Вскоре долгожданные гости пожаловали, и праздничная трапеза началась. Следом за нею был концерт, приготовленный накануне, однако Черубине не терпелось поскорее поведать Лиле о невероятном приключении, случившемся этим утром с ней и Николаем.

Едва подруги остались наедине, Черубина принялась рассказывать о визите в дом на Казанской улице – невероятном проникновении на полвека назад.

Лиля внимательно слушала и к концу повествования разволновалась не менее рассказчицы.

– Это было захватывающее происшествие! – воскликнула Черубина, – я не прочь побывать там ещё разочек! А ты хо-

чешь посмотреть на дом, где жил Гоголь? – лукаво улыбаясь, спросила Черубина.

– Да, только я хочу взглянуть на него по другой причине, – Лиля вынула из ридикюля книжку-прейскурант магазина Доротеи Риндеркнехт, располагавшегося на первом этаже дома и имевшего репутацию лучшего магазина музыкальных инструментов.

– Так ты хочешь купить рояль! – рассмеялась Черубина, – ну что ж, тогда – вперед!

На следующий день девушки поехали в магазин госпожи Риндеркнехт.

Новый рояль был рождественским подарком Кирилла Степановича, и Лиля отнеслась к выбору инструмента особенно тщательно – он должен был понравиться не только ей, но и дарителю. Когда выбор был сделан и оформлен заказ, девушки отправились во двор доходного дома, где был вход в жилые квартиры.

К изумлению Черубины, в доме все было перепачкано побелкой и пахло краской – там явно шёл ремонт.

Девушки поднялись на третий этаж, вошли в гостиную и огляделись. Все было в запустении, в деревянных полах зияли щели, а доски неприятно скрипели. Однако в углу по-прежнему стояла фисгармония.

– Её, конечно же, выбросят, она в ужасном состоянии, – с сожалением сказала Чери и заглянула внутрь механического пианино... – О, там что-то есть, какой-то сверток, – она

вынула сверток и смахнула с него пыль... Это оказалась нотная тетрадь, стянутая шёлковой лентой, и, похоже, внутри свертка было что-то еще...

– Как ты думаешь, Чери, мы можем это взять или должны оставить? – спросила Лиля, рассматривая странный сверток.

– Ну, конечно, взять с собой, – воскликнула Черубина, – ведь это не случайная находка, она дожидалась нас!

Вернувшись домой, подруги уединились в комнате Черубины и, затаив дыхание, развернули сверток. Внутри нотного сборника была спрятана кукла. Девушки внимательно осмотрели и куклу, и нотный сборник, который оказался изданием арий из оперы «Straszny dwór» Станислава Мониюшко, обработанных для домашнего исполнения. Черубина тщательно исследовала деревянную основу куклы, ткань платья и краску, покрывавшую игрушку. На спине куклы под одеждой было отверстие с винтовой нарезкой.

– Что это может означать? – задумчиво произнесла Черубина. – Вероятно, кукла была заводной, в отверстие вставлялся ключ, вращение которого приводило в движение механизм куклы... Прелюбопытненько!

– Чери, у меня такое чувство, – призналась Лиля, – что я эту куклу где-то видела, но не могу вспомнить, где...

– Лялечка, ну, где же ты могла её видеть? Мне кажется, ей лет пятьдесят или даже больше, – рассмеялась Черубина. – А знаешь ли ты, что раньше кукол использовали как модные журналы? Их одевали в костюмы, по которым тогдаш-

ние модницы заказывали шитьё своим портнихам, а когда наряды становились немодными, кукол отдавали маленьким девочкам как игрушки...

– Да, но я и видела эту куклу в руках у какой-то девочки... – Лиля хмурила лоб, пытаясь вспомнить, и вдруг воскликнула, – кукла такая же, только нарисованная! Я вспомнила, в Румянцевском музее есть картины из коллекции Мосоловых. На одной из них изображена девочка с куклой, невероятно похожей на эту.

– Очень любопытно, – заинтересовалась Черубина, – мне нужно взглянуть на эту картину непременно... Кстати, Лялечка, кто её автор, ты не запомнила?

– Запомнила, – мило улыбнувшись, ответила Лиля, – поскольку весьма удивилась, что у Якоба ван Сваненбурга, известного своими страшными до оторопи картинами, отец был мастером совершенно иного толка, весьма мирным и бытовым.

– Ты хочешь сказать, что картина с куклой написана Исааком Класом ван Сваненбургом, мэром города Лейдена? Но ведь это 16 век... наша кукла не может быть настолько старой!

Заинтересовавшись чем-то загадочным, Черубина уже не могла остановиться:

– Дорогая Ляля, мы вместе едем в Москву!

Москва встретила подруг рождественскими морозами. Однако, стужа их не остановила. Одевшись потеплее, Лиля

и Чери отправились продолжать свое увлекательное расследование в Румянцевский музей – в центр Москвы, на Воздвиженку, где на холме величественно раскинулся изысканный архитектурный шедевр эпохи классицизма – так называемый дом Пашкова. Авторство его устная традиция приписывала гениальному архитектору Баженову, несмотря на то что документов, подтверждающих это, не сохранилось.

Подруги быстро прошли по музейным залам, ярко освещенным зимним солнцем, и оказались перед картиной ван Сваненбурга. Маленькая девочка в одной руке держала корзинку с вишнями а другой рукой крепко сжимала куклу, как две капли воды похожую на ту, что лежала, бережно завернутая в платок, в ридикюле Черубины.

Да, Лялочка, – не веря своим глазам, произнесла Черубина, – какая же ты наблюдательная! Это и в правду точно такая же кукла! Здесь указан год создания картины – 1584, но наша кукла не выглядит настолько старинной. Это может означать только то, что она была скопирована с этой картины на много позднее... Но кто и зачем это сделал? И почему кукла очутилась в доме Гоголя?

Чери, нам нужно навестить Николая Семёновича Мосолова, – предложила Лиля. – Эта картина из его коллекции, как и многие другие, находящиеся в этом музее. Он и сам здесь не редкий гость.

Мне известно, что картины западноевропейских мастеров начали собирать ещё дед художника, тоже Николай Семено-

вич, и его брат Фёдор Семенович. Семейная легенда гласит, что они оба были дружны с графом Орловым-Чесменским, блистательным екатерининским фаворитом, от него и заразились страстью к коллекционированию.

Покупали они, в основном, работы голландских и итальянских мастеров. Чудеснейшим приобретением был «Salvator Mundi» Джованни Педрини (Джампетрино, как его принято было называть), некогда принадлежавший самому английскому королю Карлу I Стюарту! К тому же Николая Семеновича интересовали библиографические редкости, и он начал составлять библиотеку из книг, которые во множестве попали в Россию после Французской революции.

Его сын, Семён Николаевич, продолжил дело отца, но его страстью стал Рембрандт. Он собрал около 400 офортов мастера и множество копий с его картин и рисунков. Еще он унаследовал коллекцию своего дяди и дом на Лубянской площади, куда была перевезена основная часть собрания предков Николая Семеновича из фамильного имения в Тульской губернии. Многие экспонаты богатейшей художественной коллекции, которую собирали три поколения Мосоловых, Николай Семенович уже подарил Румянцевскому музею, остальные завещал передать туда после своей кончины, поскольку прямых наследников у него нет.

– Ляля, откуда тебе известны такие подробности о коллекции Мосоловых? – удивилась Черубина.

– Кирилл Степанович и я дружны с Николаем Семеновичем. Я уверена, что он не откажется побеседовать с нами на интересующую нас тему, – ответила Лиля.

– Не только не откажусь, но сделаю это с великим удовольствием!

Девушки оглянулись и увидели того, кто прервал их беседу.

Это был обаятельный мужчина лет пятидесяти, с острым пронизательным взглядом и лукавой улыбкой.

– Николай Семенович! – воскликнула Лиля, – Добрый день!

– Здравствуйте, милые барышни! Чем же вас так заинтересовала эта картина? – продолжая улыбаться, спросил Мосолов.

– Расскажите, пожалуйста, как появился в Вашей коллекции этот портрет девочки с куклой, – смущенно поинтересовалась Лиля, – не было ли связано с ним каких-нибудь легенд или историй? Быть может, это не простой портрет, и в нём что-то зашифровано?

– Ну разумеется, – рассмеялся в ответ Николай Семенович, – в те времена ничего не писалось просто так, всегда что-то подразумевалось! И на этой картине есть тайные знаки. Корзинка – это атрибут детства и невинности, красные ягоды обозначают божественную благодать, подобно тому, как младенец Иисус часто изображался с ягодами вишни...

– А кукла, что она обозначает? – допытывалась Лиля.

– Это, скорее всего, определенная традиция в написании парадных детских портретов. Вы видели, должно быть, детский портрет Арабеллы Стюарт – она тоже держит в руке куклу. В моем поместье в Жерновке есть копии с обеих этих картин, они остались там, когда в Москву были перевезены все ценные подлинники. Впрочем, не все, часть библиотеки, коллекция нефритов из Китая, альбомы с восхитительными, утонченными рисунками средневековых китайских художников по-прежнему хранятся в имении.

– Подумать только! Я так люблю шинуазри – воскликнула Лиля. – Как хочется взглянуть на ваши китайские альбомы! Но возможно ли это в ваше отсутствие? – Лия посмотрела на Николая Семеновича умоляюще. – Наше поместье в Серпухове недалеко от Жерновки, а мой муж, Кирилл Степанович, завтра как раз едет туда по хозяйственным делам, и быть может...

– Разумеется, милая Лия, – Николай Семёнович взял бумагу, перо и написал записку своему управляющему, в которой велел принять гостей и показать оставшуюся в усадьбе часть коллекции.

Подругам вновь удалось получить желаемое! Уже на улице Черубина, смеясь, спросила Лилю:

– А знает ли твой супруг, что завтра он едет в Серпухов?

– Скоро узнает, – пообещала Лия и загадочно улыбнулась.

К немалому удивлению Черубины на следующее утро Ки-

рилл Степанович, действительно, приказал готовить экипаж, и к обеду подруги вместе с ним покинули Москву.

К усадьбе в Жерновке они приехали поздно ночью, едва не заблудившись на заснеженных дорогах. Светили яркие звезды, каких никогда не увидеть в столицах, и девушки как замороженные стояли на морозном воздухе, обратив лица к звездному небу.

Управляющий встретил гостей любезно и проводил в жарко натопленную комнату, где тут же стали накрывать на стол.

После ужина, когда Лиля и её супруг отправились в приготовленную для них комнату, Черубина попросила Егора Михайловича, так звали управляющего, проводить её в библиотеку. Однако, он, сославшись на то, что там не топлено, предложил подождать до утра.

Едва наступило утро, Черубина и управляющий отправились в библиотеку.

В просторном зале было, действительно, весьма прохладно, что, однако, не могло повредить многочисленным томам в дубовых книжных шкафах, закрывающих собою стены от пола до потолка. В одном месте шкафы расступились, дав место изящной резной конструкции, изображающей двухэтажный старинный дом в северном стиле. Как зачарованная Черубина рассматривала детали игрушечного интерьера. Ступени миниатюрной лестницы соединяли этажи, обнесенные балюстрадами, на стенах висели настоящие зеркала, на паркетных полах, набранных из крохотных деревян-

ных плашек, расстилались ковры благородных темных цветов. В самом центре игрушечного дома находился циферблат, оформленный знаками зодиака. Дом венчала остроко-нечная крыша, покрытая крошечной черепицей из майоли-ки.

Выше на стене висели две копии картин, уже знакомых Черубине, выполненные на досках одинакового размера. С одной на нее глядела леди Арабелла, с другой – девочка с корзинкой вишен. Под кукольным домиком располагался небольшой шкаф со стеклянными дверцами, за ними вид-нелся часовой механизм. Черубина увидела два коротких, но широких винта, они были разного размера и явно требо-вали разных ключей. Чери предположила, что именно этими винтами и заводятся часы и обратилась к управляющему:

– Я никогда не видела подобного механизма, должно быть это очень старые часы?

– Им лет около пятидесяти, – услужливо отвечал он, – их установили при родителе нашего Николая Семёновича. Я то-гда еще совсем младенец был. А отец мой, как и я теперь, был управляющим этого имения.

А как заводятся эти часы? – простодушно улыбаясь про-должала Черубина, – наверняка, это нужно делать каждый день...

– Нет, сударыня, – сказал управляющий, – достаточно од-ного полного завода на три дня, вчера как раз заводили...

– Увы, через три дня нас здесь уже не будет, а мне так хо-

чется увидеть, как двигается этот часовой механизм! – произнесла Черубина с мольбой в голосе и одарила управляющего таким ласковым взором, на какой только была способна. Это возымело должное действие – Егор Михайлович смягчился и открыл дверцы нижнего шкафа. Внутри качались и постукивали друг о друга детали сложного механизма. Под ними лежала кукла, такого же размера, как та, что была у Черубины, но одетая в платье эпохи королевы Елизаветы, с буфами и гофрированным воротником. Привычным движением Егор Михайлович поставил игрушку на видневшийся винт и с чуть заметным скрипом стал поворачивать её вокруг оси. Когда пружина была полностью затянута, он отпустил куклу, и маленькая королева стала вращаться в противоположную сторону, отражаясь в блестящем паркете игрушечного дома.

Черубина не смогла скрыть восторга и захлопала в ладоши, как маленькая девочка. Управляющий смотрел на нее с умилением. Затем, сняв куклу с винта, он убрал её обратно в шкаф.

– Ну что ж, сама себе сказала Черубина, – если маленькая королева заводила механизм слева, под картиной со своим изображением, то логика подсказывает, что кукла, которую привезла я, обязательно подойдет к устройству справа... чем бы оно ни было...

*...И для меня одной звучали в старом парке
Сонеты строгие Ронсара и Петрарки...*

После завтрака Чери и Лиля решили взять куклу и с её помощью завести второй механизм.

Однако на пороге комнаты Черубины они застыли в недоумении. Дорожный сундук был открыт, вещи из него разбросаны на полу, а куклы среди них не было.

– Я сама поговорю с управляющим, – решительно заявила Черубина.

Через минуту она вошла во флигель, где жил управляющий. В уютной комнате с голландской печью на небольшом диванчике сидела взрослая девушка в простом платье и душегрейке и, заливаясь смехом, пыталась накормить куклу Черубины вареной картофелиной. Было очевидно, что она больна помешательством.

Чери села рядом с ней и ласково попросила отдать куклу, но девушка замерла и прижала игрушку к груди. Тогда Чери сняла с руки самоцветное колечко, и обмен состоялся.

Подоспевший Егор Михайлович долго извинялся за поступок дочери, а затем рассказал, что ей скоро уже тридцать лет. Мать давно умерла, и растил больную девочку он один, не желая расстаться с ней и отдать на содержание в приют для умалишенных.

– Софья – тихое и безобидное существо, но время от времени совершает поступки, нам не понятные, – горестно говорил управляющий, – однако, барин Николай Семенович относится с большим пониманием и не требует, чтобы я из-

бавился от дочери.

Тронутая рассказом, Черубина пообещала Егору Михайловичу не рассказывать о случившемся Мосолову. В ответ управляющий низко поклонился.

Чери поспешила вернуться в библиотеку, чтобы, наконец, разобраться с механизмом, Лиля была уже там и с нетерпением ожидала подругу. Они подошли к домику. Чери установила куклу на винт справа и стала поворачивать. Тугая пружина сначала вовсе не поддавалась, потом внутри шкафа что-то щелкнуло, и вдруг стала приподниматься крыша домика, под которой обнаружилось пространство, куда легко проходила рука Черубины. Она достала из тайника сверток и, затаив дыхание, развернула его. В нем оказалась тетрадь, на обложке которой красивым стремительным почерком было написано: «Зачарованные куранты», автор – Алов.

– Это же один из псевдонимов Гоголя! – воскликнула Лиля.

– Да, похоже, мы нашли неизвестную рукопись Николая Васильевича, – торжествовала Черубина.

– Но как могла она попасть сюда, и почему была так тщательно скрывается от всех? – не переставала задавать вопросы Лиля.

– Ляля, идем в зал, сядем возле камина, здесь ужасно холодно.

Они закрыли крышку тайника и забрали куклу.

В каминном зале в кресле-качалке уютно расположился

Кирилл Степанович и, покуривая трубку, читал свежую газету.

Девушки подсели поближе к огню и продолжили расследование.

– Здесь дата есть – 1829 год... что происходило с Гоголем в двадцать девятом году? – спросила Лиля, – еще не были написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки»?

– Действительно, в тот год издали только «Ганца Кюхельгартена». Я читала о том, как Гоголь вдруг ужаснулся, что бездарен, сам скупил все книги и сжег их в печке в том самом доме, Ляля, где мы нашли куклу. Известно так же, что в том году он много писал к матери, просил у неё сведений о малоросских обычаях, костюмах, но больше всего просил выслать ему «записок, рукописей стародавних».

Черубина аккуратно переворачивала страницы найденной рукописи.

– Это предание о старом замке...

В её воображении открылась красивая равнина, сосновый лес, старинный шляхетский дом с часами, которые показывали то правильное время, то шли назад, то вдруг куранты били неурочный час, внутри замка оживали портреты, бродили призраки...

– Нет сомнений, Лялечка, что эта рукопись написана в стиле «Вечеров на хуторе...», – сказала Чери, пробежав глазами последнюю страницу, – в ней тоже все и страшно, и смешно, и увлекательно...

– Но как случилось, что она осталась в стороне от остальных рассказов, Отчего Гоголь не отдал ее в издательство? – недоумевала Лиля.

– Какая-то загадка... – задумчиво произнесла Черубина. – И как эта рукопись попала сюда, в Жерновку? Пожалуй, на этот вопрос может ответить только сам Николай Семенович Мосолов. Должно быть, он или его отец купили рукопись, но вот зачем они упрятали ее в тайник?

Никто не заметил подошедшего управляющего. Он невольно услышал беседу подруг и не сразу решился принять в ней участие.

– Покорнейше прошу извинить меня, – почтительно произнес Егор Михайлович, – Вам нет нужды беспокоить Николая Семёновича. Отчасти, я хранитель этой тайны и, видимо, пришло время поделиться ею... Моя мать была родственницей пана Пржецлавского, того самого «Ципринуса»...

– Давайте все пройдем в столовую, – вмешался в разговор Кирилл Степанович. Пусть кухарка подаст нам чаю. Я слышал много критики в адрес Ципринуса, но меня лично весьма увлекли его рассказы о войне с Наполеоном. Там есть упоминание сражения под Бауценом, где впервые были использованы конгрэвские ракеты. Впрочем, вряд ли это может заинтересовать вас, милые дамы, прошу прощения.

За чаем беседа продолжилась. На столе появился самовар и чашки старинного фарфору, бергамот из оранжереи был нарезан ровными полукружиями, куски сахара белели в се-

ребряной вазе, возле которой на большом блюде возлежал румяный пирог, аккуратно порезанный на куски.

Егор Михайлович начал свой рассказ.

– Как и Адам Мицкевич пан Пржецлавский окончил Виленский университет. Он был даровит многосторонне, весьма увлекался мистикой и совмещал крепкую католическую веру с франкмасонством... Благодаря своим природным качествам и покровительству влиятельных людей, он очень скоро оказался в Петербурге, где в совершенстве выучил русский язык и поступил работать в одно из министерств. Будучи горячим патриотом, он вскоре подружился со всеми видными земляками и начал выпускать «Петербургский еженедельник» на польском языке а затем и вовсе получил должность «главного переводчика российского языка» в комиссии по составлению законов Царства Польского.

– Да, – заметил генерал, – карьера весьма внушительная. Верно, у пана Пржецлавского было множество земляков, ищущих его протекции... Но что же Гоголь? Он ведь не поляк...

– Не всё так просто, – отвечал Егор Михайлович, – Николай Васильевич был великий мастер всё и всех запутывать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.